

Глава I

Вовка проснулся ровно в шесть и долго наслаждался сиянием утра. Это было фантастическое зрелище! Золотые лучи раннего солнышка подсвечивали молодые веточки и листочки юной берёзки, растущей у окна...

«Третий этаж, а уже доросла, — подумалось Вовке. — Будто мы её только вчера посадили на школьном субботнике. Вон какая уже вымахала красавица!»

Вырос с тех времён и сам Вовка. Но всё равно с детства любил он поваляться поутру на своём диванчике, любуясь и радуясь наступающему дню. Какое же это блаженство! И пофантазировать, и помечтать можно. И всё ещё впереди: окончание школы, последний звонок и гулянье до утра... Потом — армия, дембель и... свадьба!

Сейчас, конечно же, он об этом не думал. Просто предчувствие всех радостных событий будущего сидело в нём как неотъемлемая часть души и тела. А думал он (ну о чём же можно так долго и с наслаждением думать в шестнадцать лет?), конечно же, о вчерашнем вечере. Каждую детальку вспоминал, взвешивал и наслаждался...

С Верочкой он познакомился почти год назад, но только вчера попробовал её поцеловать. И... ничего не получилось. Нет, Верочка была не против и, похоже, даже хотела этого. Но, как назло, им мешали собственные носы — влюблённые ведь ни разу ещё ни с кем не целовались по-настоящему.

«Ну, всё ещё впереди, — весело подумал Вовка, — научимся! В кино-то вон как здорово целуются, и прямо даже взасос. Главное, что Верочка не сопротивляется...» А так, как в кино, с ней целоваться Вовка даже и подумать не мог — стыдно. Такое он и в мыслях не допускал — так зверски целоваться и тискаться — ужас! Этого он со своей нежной и любимой не позволит себе делать никогда! Да! Никогда-никогда!

С этими жаркими, но строгими мыслями Вовка спрыгнул с дивана — уже тошно становилось от бездействия — и побежал умываться.

В совмещённой ванной комнате уже, вся раскорячившись, чистила зубы младшая сестрёнка Зинка.

— Эй ты, сопля зелёная (сестра была ровно на два года младше), долго будешь ещё возиться тут?

Зинка повернулась с зубной щёткой в зубах и попыталась чего-то сказать, но вместо этого из её губёнок выдулся огромный синий пузырь и тут же лопнул, обрызгав брата. Вовка разозлился, а Зинка засмеялась, уже всю себя заляпав пастой...

— Вот как начнёшь свой день, так его и проведёшь, — бурчал наш герой, заправляя и складывая диван.

Зинка всё ещё плескалась в ванной, а Вовка вдруг запел:

— Ой, рано встаёт охрана!

И откуда она взялась — эта песня?

Наконец они приготовили яичницу на двоих, заварили кофе и уехали завтракать.

— Не слышал, как родители на работу ушли? — промямлила сестра, запивая свои слова кофе.

— Да нет. Мне тогда ещё утренние сны снились.

— Это про Верку, что ли? — ехидно прищурилась Зинка.

— Тебе какое дело? Любопытная ты Варвара!

— Почему это я Варвара? — выпучила свои огромные глазщи Зинка и тут же попалась...

— А потому что любопытной той Варваре на базаре оторвали! Оторвали — не пришили, потому что все спешили! Вот тебе!

— Ну и дурак! Влюбился как дурак, вот!

— Кто это? Это я влюбился?! — разыграл своё удивление Вовка, да так натурально, что подавился яичницей и закашлялся.

Зинка тут же бросилась брату на помощь и начала изо всей силы колотить его по спине.

— Хватит, хватит! Разошлась, дурища! Так и убить можно.

— Пора тебя уже убивать за такие проделки, шатун полуночный! Хорошо ещё лето, каникулы, а то бы уроки прогуливать начал.

— Это с Верочкой-то? Она же отличница — не то что некоторые. С ней напрогуливаешься... Как начнёшь, так и кончишь. Кстати, — брат сделал многозначительное лицо, — а как твой Васенька-кот поживает? Не кашляет?

— В отличие от тебя, не кашляет. Он спортом занимается, между прочим.

— Вот именно что «между прочим», — в очередной раз «приколос» сестру Вовка, — и как это он всё совмещает, уму непостижно!

— Твоему уму многое ещё непостижно, недоросль нецелованный, — уже куда-то в сторону пробурчала Зинка...

Но Вовка услышал. И он прекрасно знал, кто такой недоросль, — не зря же с отличницей дружил!

— Так! Это кто недоросль?! — медленно поднялся из-за стола грозный Владимир. — Ну-ка отвечай!

Зинаида Павловна не сочла нужным отвечать, а бросилась со всех ног, крикнув по пути:

— Ой, чайник забыла!..

— Я вот тебе сейчас дам по чайнику! — бегал за ней разозлившийся Вовка.

Зазвонил телефон, и сестрёнка на лету схватилась за трубку, тут же выставив в направлении брата оттопыренный указательный палец. Вовка сразу остыл. Звонила мама с работы, спрашивала, как у них дела и почему Зинка такая запыхавшаяся, на что и получила достойный ответ, что «её дети уборкой занимаются». Сестра никогда не выдавала брата, за что брат очень уважал сестру. А Зинка просто по-братски очень любила Вовку и, несмотря на то что была младше его, покровительствовала ему и даже защищала от нападок родителей.

Глава II

— Значит, носы мешают, — задумчиво произнесла сестрица, внимательно выслушав Вовкину проблему.

Здесь стоит заметить, что брат с сестрой довольно редко откровенничали на подобные темы. Но если уж такое случалось, разговор шёл начистоту, и младшая почти всегда выдавала правильный совет старшему «нецелованному» братишке.

— Ты вот что сделай, — после солидной паузы заговорщицки молвила Зинаида, — купи бутылку хорошего марочного вина. Только запомни: хо-ро-ше-го, а не того, что вы с пацанами перед танцами пьёте. Не вздумай эту гадскую бормотуху даже показывать ей (и откуда это она всё про нас знает, не без восхищения смотрел на сестру Вовка), понял?

— Чего ты? А-а-а... Понял, понял, — опомнился Вовка.

— Закуски купи, шоколадку, стаканчики не забудь. Только всё чтоб на уровне. Чтоб с плавлеными сырками не позорился, запомнил, мужик?

Вовка только кивал и не думал обижаться.

— Выпьете, закусите, полюбезничаете, а там дальше дело само пойдёт. Не заметишь даже, что у неё и у тебя «мешающие» носы есть. Так-то, братишка! — закончила свой краткий «развратный» курс Зинка.

Вовка искренне поблагодарил сестрицу, не забыв шуткой восстановить статус-кво:

— Что бы я без тебя делал, а? Премудрая!

— Да сопли зелёные до старости жевал бы, — не забыла припомнить утреннюю обиду премудрая Зинка.

— Ну, ладно-ладно, забыто, — промурлыкал очень довольный сестрой и собой Вовка. Он уже был в предчувствии...

Глава III

«О времена, о нравы!» — сказал бы писатель. И ошибся бы, если б подумал, что первым это заметил и сказал. Ещё Гесиод так говорил, и вряд ли тоже был первым...

А времена стояли за окном тихие и солнечные. Потом какой-то невежа назовёт эти времена «застойными» — народ их сразу же перекрестит в «застольные», и будет прав. А жизнь тогда (по действительным ощущениям трудящихся) становилась всё лучше и веселее... Примерно так же думал о жизни Вовка, носясь по магазинам за выпивкой и закуской. Бумажка с Зинкиной инструкцией была крепко зажата в его руке. Всё шло как по маслу. Единственная запинка получилась с бутылкой марочного. Её без паспорта Вовке продавщица никак не хотела продавать. Но нашему герою и тут повезло: мимо проходил сосед, который уже отслужил в армии и был известен по этому поводу всем продавщицам. Его-то Вовка и зацепил со словами: «Да вот Евгений может подтвердить, что мне уже восемнадцать и скоро в армию...» Сосед машинально кивнул головой, тем самым подтверждая мужскую солидарность, и Вовке, не без скрипа, выдали вино.

«Вот наглая какая! — возмущался в душе юный покупатель. — Я, можно сказать, все свои сбережения выложил, а эта коза топырится ещё. Да потом мне же шестнадцать-то есть уже!»

При этом Вовка, конечно же, забывал, что паспорт его хранится в запертом родительском комоде, что ключ от детей прятали и что просить у родителей паспорт на такое дело было бесполезно. Да с необычной этой просьбой можно было и всё мероприятие провалить.

...Но мероприятие, похоже, удавалось, с восхищением думалось Вовке, когда он увидел вечером в назначенный час приближающуюся свою возлюбленную. Верочка как на крылышках летела к нему. Это было нечто сказочное! У Вовки тут же зашло дыхание, а сердце в пятки упало, не от страха, конечно. А было отчего. Верочка умела, что называется, «составить прикид», да так, что каждый раз выглядела по-новому. Каждый раз в ней высвечивалась неведомая Вовке ослепительная грань, и душа его просто кричала от счастья. Сейчас Верочка была в коротенькой юбочке, ярко-красной кофте и с распущенными волосами. Улётные туфельки на шпильках делали её стройные ножки ещё длинней... На неё оглядывались взрослые мужчины — единственное, что не нравилось Вовке. Но ведь и прохожих можно было понять, когда мимо них пролетает благоухающая свежесть четырнадцатилетней девчонки. Верочка была ровесницей Вовкиной Зинки. Но это «суть двух разных галактик», сказал бы философ. Однако нашему герою сейчас некогда было философствовать.

Глава IV

— Привет!

— Привет!

После взаимного приветствия сделалась глубокая и продолжительная пауза...

— Что, так и будем молчать? И чего это ты так вытарацился на меня, первый раз видишь? — пошла в наступление Верочка, хотя было видно, что Вовкино обалдение ей даже приятно.

— Вер, и правда, как будто первый раз вижу...

— Ну ты и подхалим, — засмеялась Верочка. — И чего это ты свой школьный портфель притащил?

— В нём лежит большой секрет, — таинственным нежным шепотом отвечивал Вовка.

— Что за секрет?

— А вот пойдём на наше место, там и покажу. Не пожалейшь... — последнее слово получилось как-то совсем невпопад.

Верочка насторожилась...

— Это что такое за «не пожалеешь»? Ты уверен? — И собеседница высокомерно выпятила нижнюю губёнку, совсем как в младенчестве, когда ей предлагали попробовать первую ложку каши.

Вовку эта поза совсем рассмешила и сняла всё его напряжение и неловкость.

— Пойдём-пойдём, не бойся.

— Вот ещё, буду я бояться тебя.

— Да не меня не бойся (чего меня-то бояться!), портфеля не бойся.

— Ну вот, совсем уморил!

Тут Вовка взял Верочку за руку, и они пошли на «своё место». К слову, это был обычный советский детский садик, но вся прелесть заключалась в его глухих дощатых беседках, где вечером размещалась «вторая смена», то есть влюблённые парочки. Местный сторож к этому давно привык и выходил на территорию лишь в крайних случаях. Это был земной рай для юных сердец. Тем паче Вовка ещё год назад (в день знакомства с Верочкой) облюбовал в этом садике крайнюю беседку, которая была обращена лицом к берёзкам, а не к зданию, как все остальные. При желании сторож легко мог просматривать из окошек всё, что творится в беседках, кроме одной. Почему её так необычно расположили, никто не знал. И опять же — никто не знал, кроме Вовки, который был уверен, что это всё было сделано специально для них с Верочкой.

Глава V

Они уселись на лавочках в полумраке беседки друг против друга, и Вовка машинально погладил портфель.

— Чего ты его гладишь-то? — где-то даже с лёгкой обидой прошептала Верочка.

— Могу и тебя погладить, — попытался пошутить «детсадовский герой».

— Рискни...

Но Вовка не рискнул, а начал возиться с портфелем...

«Ну и трусишка, — насмешливо подумала Верочка, — целый год только баснями кормит...»

Но тут Вовка достал бутылку и расплылся в блаженной улыбке...

— И закуски полно... — начал было обороняться герой, но увидев, что Верочка не нападает, а только иронически улыбается (уже этим довольный), продолжил сервировать лавку.

— Всё! Баста! Готово!

На лавке, на газетке, лежали две груши, два яблока, шоколадка, зефир в шоколаде, стояли две рюмочки (из домашнего серванта Вовкиных родителей), и над всей этой роскошью торжественно возвышалась бутылка марочного вина.

— Ну и чего? Можно только глядеть? Заснул, что ли? — не утерпела Верочка, выйдя из себя от Вовкиной медлительности.

— А! Да-да! Открываю...

Вовка отколупал красивую обёртку горлышка, вдруг хихикнул, икнул и выдал:

— Ну ни фиги себе!

— Чего такое ещё?

— Там... там пробка ведь! Ух, зараза...

— А у тебя и открыть, что ли, нечем? — догадалась Верочка и залилась своим звонким хохотом, да так, что зазвенели сдвинутые вплотную Вовкины рюмки.

Официант совсем упал духом, но вдруг вспомнил Зинкину инструкцию и разозлился: «Это точно она, Зинка, подстроила! А я и сам-то дурак, пень и валенок! Это так проколоться! — кипели Вовкины мысли. — Это ведь не простое вино! С бормотухой-то перед танцами всё просто было: зубами пластмассовые пробки только так срывались... а тут! Если внутрь протолкнуть — обольёшься весь, да и неудобно перед Верочкой. Эх, штопор бы надо! Что делать, что делать?»

— Эй, винодел, опять уснул, что ли? — без вина веселилась подружка. — Давай хоть закусим, а то и погреться нечем...

— Эх, давай... — вздохнул виночерпий.

И они навалились на закуску. Всё дочиста уничтожив, кроме рюмок и бутылки, стали уже вместе смеяться. Вовка как-то по ходу подсел поближе к Верочке, обнял её и крепко прижал к себе... И тут их два дыхания слились воедино (как сказал бы поэт), и ничто уж не мешало им, даже собственные носы...

— Ты любишь меня? — спросила, задыхаясь, Верочка.

— Ещё как люблю! Так никто не может любить! — горячо шептал запьяневший без вина Вовка... И осмелевшая его ладошка уже готова была погладить Верочкину коленку...

А неприступную бутылку марочного вина они решили распить на собственной свадьбе, да и делу конец!

БЕРЕГ

В этот вечер Михаил гнал как ужаленный. Конечно, если можно назвать гонкой какие-то сто километров в час на стареньком, потрёпанном москвиче по опустевшим вечерним улицам города. Он словно боялся опоздать на место встречи с любимой девушкой. Именно сегодня какое-то странное чувство гнало его на берег реки. Это дикое место, где кончались ровные бетонные плиты набережной и начиналось фантастическое нагромождение камней, расколотых плит и прочего крупногабаритного стройматериала, он посещал уже сорок лет. Как странно, что за сорок лет ничего не изменилось тут! Совсем недалеко, за поворотом на набережной, давно уже кипела неудержимая молодая жизнь — мигали разноцветные огни ресторанов, баров и кафе. Гремела музыка, толпами гуляла молодёжь... А здесь, словно в совсем ином измерении, стояла мёртвая тишина, и только тихий плеск волн да крик одиноких чаек напоминал о том, что тут ещё местами реально осталась настоящая земля...

Как странно, но именно здесь «жизнь кончилась» для Михаила. Это было ровно сорок лет назад. И сегодня был своеобразный «юбилей» этому событию. Может, поэтому-то и гнал Михаил, хоть о «юбилее» вовсе не думал. Но, видимо, в особых случаях кто-то думает за нас — и мы совершаем совсем неожиданные, казалось бы, поступки...

Перед глазами у него раскручивалась четыре десятка лет назад здесь случившаяся катастрофа. Для постороннего глаза это была мелкая дорожная авария, где мотороллер врезался в грузовик. Кто-то пострадал. Приезжала «скорая помощь». И всё! Но Михаил видел... каждый раз видел и заново переживал это.

Они проезжали здесь с женой, совсем молоденькие (ему — 25, ей — 23) на мотороллере, беспечно распевали песенки и собирались завернуть на речку искупаться. Неожиданно (как это часто бывает) перед самым носом Михаила на дорогу вылетел грузовик. Удар пришёлся в правое крыло газика. Михаил перелетел через капот, а Настя-жена всем телом упала на искорёженное уже, острое железо. Всё произошло в доли секунды. Но в эти доли секунды Михаил увидел всю свою жизнь.

...Детство промелькнуло быстро, затем школа и знакомство с Настей. С этого момента, то есть со знакомства, и пошёл отсчёт жизни. Сознательной жизни, которую очень ценил Мишка — как

нежно-ласково любила его называть Настя. Они влюбились друг в друга мгновенно, даже не с первого взгляда, как говорят в народе, а словно некий небесный магнит включился — и они примагнитились... Да так крепко, что уже не могли оторваться.

Это была пора драк, разборок и потасовок. Дрались, что называется, улица на улицу. Парни оставляли своих девчонок дома и настрого запрещали им выходить в это время гулять. Другое дело Настёна, как называл свою возлюбленную Мишка. Она участвовала во всех мальчишеских побоищах, поскольку Мишкины возражения сразу были зарублены на корню:

— Ты же, Мишка, пропадёшь без меня! А я без тебя тут же умру!

С последним доводом Мишка никак не мог согласиться и разрешал Насте «только посмотреть» на драку. На деле, конечно же, всё было по-другому: когда Мишка в потасовке элементарно получал по уху, Настя такого не могла стерпеть и бросалась напропалую защищать своего друга. Нередко спасала его от нокаута, а иногда вытаскивала, бесчувственного, из кучи дерущихся, чтобы не затоптали её любовь.

Сейчас Мишка-Михаил уже даже и не мог вспомнить, из-за чего дрались. Видно, просто некуда было энергию девать. А повод к драке разве трудно найти?.. Так вот и жили... отчаянно жили. Свадьбу сыграли на все сто!.. И вот, такая нелепая смерть до безумия юной, красивой, искренне, жертвенно любившей Мишку Настёны... Тогда он совсем очумел и чуть не убил пьяного шофёра грузовика. Вовремя успели оттащить его водители из сразу же скопившихся машин... Сам-то Михаил только ушибами отделался.

После похорон Мишка неделю ревел и пил — и снова пил, и снова ревел... А потом как обрезало: проснулся он как-то ночью — голова трещит, как арбуз, — и только протянул руку к бутылке, почувствовал: шлёпнул кто-то ладонью по руке. Поднял глаза: Настя стоит и плачет. Никогда не видел её плачущей, а тут...

— Настёнушка, — только и смог простонать Мишка.

А она погрозила так трогательно пальчиком:

— Не смей пить! — прошептала. — Тебе жить, а мне тебя ждать. И что же ты, Мишенька, место нашего расставания не навещаешь? Приезжай. Я там с тобой хоть рядышком посижу...

С тех самых пор и ездил Михаил на то самое место. Сядет на плиту, раздумается, глядя на волны... А потом чувствует —

рядом Настя сидит, вздыхает легонько. И такая благодать в эти минуты найдёт на душу... А бывало, чувствует — нет Настёны, не пришла... и тоска-тоска такая — не выскажешь! Уж и соберётся Михаил уезжать, а слышит, будто шаги торопливые, будто даже бежит кто-то...

— Мишенька, родной, — словно ветерок прошелестит...

И снова тихо. И снова — тоска.

Как только потерял Михаил Настёну, стал потихоньку к храму прибиваться. Благо по дороге на «их место» церковь была. Сначала только свечи ставил за упокой. Потом на службы приезжал. А затем уж и исповедовался, и причащался. Вот и до этой поездки, дня за три, был на исповеди Михаил, причастился потом.

...Долго сидел он на плитах. Солнышко уж в волны окунулось. Но нет как нет Насти... Видит, из-за поворота свет фар полоснул, как бритвой по глазам. И вот уж рядом машина встала. Свет тут же погас. Остался только силуэт громадного джипа. Через некоторое время вылезли, матерясь через слово, трое «молодцов» и сразу же повернулись к реке нужду свою справлять. Потом, увидев Михаила, вразвалочку направились к нему...

— Это что за герой тут кукует? — насмешливо пробасил один, застёгивая штаны.

— Эй, лох, хочешь дам закурить? — прохрипел другой.

— А давайте, братаны, красоту ему наведём? — разбив наполовину пустую бутылку, приблизился третий.

— Вот и моё времечко пришло, — спокойно подумалось Михаилу, — хорошо, что Настя не видит. Эх, силы уж не те...

Извернулся Мишка, выбил ногой разбитую с острыми краями бутылку из руки бандита. Другому успел в пах ударить. И тут пошла карусель! Долго его пинали. Норовили всё по лицу, по голове попасть. И рёбрышки, и печёнку, и про почки не забыли. Прежде чем добить, решили перекурить.

А Михаил в это время в сознание пришёл. Разлепил он чуть-чуть один глаз (другой основательно кровью затёк) и видит: бежит к нему во весь дух его Настя, только волосы, как факел, бьются на ветру. И закричал он ей изо всех сил, чтобы разворачивалась она, что бандиты здесь. Кричит он... а только хрип вместо крика вырывается из изломанной его груди... И тут вспыхнул свет фар из-за поворота и замигали красно-голубые огни. Засуетились бандюги, попрыгали в свой джип и рванули

с места в другом направлении. За ними, так и не заметив лежащего в крови Михаила, промчалась и полицейская машина. А он снова потерял сознание.

Очнулся Михаил и почувствовал, что будто капли дождя каплют на его лицо. Пошевелился и сразу услышал Настин шёпот:
— Очнулся, родной...

Настя плакала и пыталась осторожно протереть оставшийся глаз Михаила. Так вот какой «дождь» орошал его исковерканное лицо!

— Теперь ты на границе двух миров и поэтому можешь видеть меня, — прошептала любимая. — Теперь как Господь рассудит. Но я помогу тебе... Попробуй встать и мы дойдём до машины.

Мишка попробовал отжаться от земли, но почувствовал такую боль, что чуть опять не потерял сознание...

Настя, увидев всё это, прошептала ему:

— Нет-нет, не надо... Давай хоть ползком, вместе доползём до твоего москвичонка.

И они поползли. Настя, как могла, подтягивала его, и они страшно медленно, но стали двигаться к цели. И странную вещь стал замечать Михаил: когда уходила боль, он так ясно видел и ощущал руки возлюбленной, а когда возвращалась боль, Настю словно бы окутывал туман — и он почти не видел её.

Она прочла его мысли и сразу пояснила:

— Это, Мишенька, ты балансируешь между жизнью и смертью, постарайся ещё маленько — и мы будем в машине.

Наконец немислимыми усилиями они забрались в москвич и тронулись с места. Настя внимательно наблюдала за Михаилом, а он старался «держаться» дороге.

— Пока доедем до обрыва и дорога перед ним будет поворачивать направо, всё станет ясно, — прошептала Настя.

На самом-то деле она даже не шептала, а только подумала. Михаил уже слышал её мысли...

Вставало солнце, и невидимые его лучи уже поджигали зеркало реки. Так вот, оказывается, как медленно они ползли и забрались в машину. Сколько уже времени-то прошло, подумалось Михаилу, а казалось, что быстро ползли...

— Вот скоро будет обрыв, и теперь уже нам надо на другой берег, — прошептала Настя и вдруг заговорила в полный голос:

— Пока есть силы — гони!!

Михаил как мог разогнал свой москвич...

— И не поворачивай! — крикнула Настя.

Только чайки могли видеть, как летящая по дороге на максимальной скорости машина, не тормозя, пробила ограждение и полетела... над рекой! А потом стала подниматься всё выше и выше и наконец исчезла в золотых лучах восходящего солнца.

А в машине сидели и радостно улыбались юноша и девушка и самозабвенно глядели друг на друга...

— Ах, как долго я ждала тебя, любимый!

— А как я люблю тебя, Настя, это только Богу известно!..

— Это известно, известно... — пропел в ответ солнечный ветер.

.....
Всю ночь к приёмному покою дежурной по городу больницы подъезжали машины «скорой помощи».

— Тяжёлая ночь, — пробормотал вышедший покурить хирург и зажёл сигарету. Машинально осмотревшись, он заметил старенький москвич, который медленно подъезжал к дверям приёмного покоя. — Это что за новости? — возмутился врач и подошёл к машине, которая уже остановилась. Водительская дверка открылась сама, и из машины вывалился окровавленный человек. — Срочно в реанимацию! — истошно закричал напуганный хирург.

...Долго потом обсуждали поражённые врачи этот случай и так не смогли ответить на вопрос, как мог доехать водитель до больницы с такими смертельными травмами...

— К тому же сердце у него остановилось за сорок минут до прибытия, — повторял, как заведённый, старший хирург. И при этом важно и значительно поднимал вверх указательный палец.